

Научно-координационный совет
по международным исследованиям
МГИМО (У) МИД России

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

выпуск 4(44)
май 2009

Павел Паршин

Государство и цивилизация в современных международных отношениях

Центр глобальных проблем

ББК 66.4
П18

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

*Научно-координационного совета по международным исследованиям
МГИМО (У) МИД России*

Выпуск 4(44)

Май 2009

Тема

Государство и цивилизация в современных международных отношениях

Главный редактор Александр Орлов

Редактор выпуска Виктор Сергеев

Ведущий редактор Валентина Шанкина

Дизайнер Николай Винник

Компьютерная верстка Анатолий Казанцев

Адрес редакции: 119454 Москва,
проспект Вернадского, 76, НКСМИ
МГИМО (У) МИД России

E-mail: ktsmi@mgimo.ru

Издается при поддержке
Центра интернет-политики
МГИМО (У) МИД России

Точка зрения авторов исследований
может не совпадать с позицией и оценками
других специалистов НКСМИ МГИМО (У)

Отпечатано в отделе
оперативной полиграфии
и множительной техники
МГИМО (У) МИД России
119218, Москва,
ул. Новочеремушкинская, 26
Заказ № 237. Тираж 300 экз.
Подписано в печать 21.05.2009

© Павел Борисович Паршин, 2009
© МГИМО (У) МИД России, 2009

Научно-координационный совет
по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России

Центр глобальных проблем

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

выпуск 4(44)

май 2009

Павел Паршин

Государство и цивилизация в современных международных отношениях

Москва
МГИМО – Университет
2009

Оглавление

Введение.....	3
1. Цивилизация и цивилизации: структура цивилизационного дискурса.....	5
Историко-методологический экскурс.....	9
2. Семантика цивилизационного дискурса: отношение концепции столкновения цивилизаций к действительности.....	17
2.1. Ce qu'on appelle «столкновение цивилизаций»: частные проявления на рубеже XX–XXI вв.....	18
2.2. Необходимо ли умножение сущностей? Явное и неявное в дискуссии о столкновении цивилизаций.....	22
3. Прагматика цивилизационного дискурса: некоторые парадоксы обращения к понятию (идио) цивилизации.....	27
4. Государство, цивилизация, культура и идеология в современном мире: некоторые выводы.....	29
4.1. Теоретические выводы.....	29
4.2. Практические выводы.....	30

Введение

Понятие цивилизации в последние полтора-два десятилетия заняло значительное место в дискуссиях о современном состоянии и путях развития международных отношений. Более того, оно стало активно претендовать на статус одного из важнейших объяснительных понятийных построений, а в определенной степени — и инструментов формирования повестки дня мировой политики.

Можно с достаточной уверенностью утверждать, что обретению понятием *цивилизации* — вообще говоря, используемым европейским общественнознанием уже не один век¹ — такой популярности способствовали два события последних полутора десятилетий, одно из которых относится к интеллектуальной сфере, а другое — к политической.

Первое — это публикация в 1993 г. в журнале «*Foreign Affairs*» шумевшей и вызвавшей огромное количество самых разнообразных откликов статьи американского политолога Сэмюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций?»². В 1996 г. она была переработана в книгу, из названия которой вопросительный знак исчез: «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка»³.

Статья, а потом и книга Хантингтона были написаны в порядке полемики с чуть более ранней и тоже ставшей научным бестселлером и предметом острой дискуссии книгой другого американского ученого, Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек»⁴. В книге Фукуямы ситуация, сложившаяся в мире после проигрыша Советским Союзом «холодной войны», рассматривалась как возникновение нового миропорядка, в котором ценности либеральной демократии и рыночного хозяйства и основанные на них институты западного типа полностью возобладали, в силу чего их противостояние ценностям и институтам коммунистического проекта перестало быть основным движущим фактором исторического развития. Тем самым, предположительно, был достигнут «конец истории» в гегелевском смысле.

Эта идея, по причине ее явного и очень быстро выявившегося несоответствия фактам, не говоря уже о теоретической дискусионности, была отброшена или, как минимум, значительно смягчена (в том числе и самим Фукуямой⁵). Ее критика Хантингтоном, однако, отнюдь не утратила своей актуальности, поскольку основным

¹ Авторство термина приписывается французскому экономисту и общественному деятелю Анн-Робер-Жаку Тюрго, который использовал его в своем неопубликованном труде по всемирной истории, а также маркизу Виктору де Мирабо (отцу знаменитого деятеля Французской революции графа Оноре де Мирабо), впервые применившему этот термин в своей работе «Друг людей, или Трактат о населении» (1756; подробнее см. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир, 2008, С. 34).

² Huntington S.P. The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*. — 1993. — Vol. 72. — № 3.

³ Рус. пер.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2006.

⁴ Рус. пер.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. — М.: АСТ, 2004.

⁵ Так, в своем интервью 2006 г. Фукуяма жаловался, что его неправильно поняли. По его словам, он вовсе не утверждал, что в мире больше не будет конфликтов, а на самом деле всего лишь говорил, что либеральная демократия больше не встретит серьезных идеологических вызовов (<http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2006/07/21/109846>). Очевидно, однако, что и этот тезис вызывает серьезные сомнения.

пунктом этой критики было не столько принципиальное неприятие идеи «конца истории», сколько указание на то, что «свято место пусто не бывает». Согласно Хантингтону, на смену противостоянию мировых держав, поддерживавшемуся на протяжении большей части **XX в.** противостоянием идеологий, приходит **противостояние культур и цивилизаций**⁶. «Проблемы взаимоотношения цивилизаций в качестве основных пунктов международной повестки дня во все большей степени занимают то место, которое ранее занимали проблемы взаимоотношения сверхдержав»⁷, — писал Хантингтон в 1993 г. в ответ на первые критические замечания в адрес его статьи и, спустя 14 лет, в своем интервью воспроизвел практически ту же точку зрения: «Мой взгляд заключается в том, что отношения между странами в наступающие десятилетия будут отражать скорее их культурные обязательства, их культурные связи и антагонизмы с другими странами, нежели какие-либо иные факторы»⁸.

Нельзя не признать, что очень многое из того, что произошло в мире за то время, что отделяет вторую приведенную цитату от первой, дает основания для подобного постоянства взглядов. Но, как будет показано ниже, лишь при определенной, причем открытой для дискуссии, их трактовке, а также при откровенно зауженном понимании того, что есть идеология.

Вторым важнейшим событием, активизировавшим представление о столкновении цивилизаций, стала, конечно, террористическая атака 11 сентября 2001 г., повлекшая большие человеческие жертвы и, безусловно, потрясшая мир. Какие бы загадки ни усматривались в последующий период в обстоятельствах этой атаки и какие бы конспирологические объяснения, предполагающие перенос ответственности за это деяние на сторону Запада, ни предлагались в дальнейшем⁹, захваченные исламскими террористами-смертниками гражданские самолеты с пассажирами, таранящие такие символы экономической и военной мощи США, как Всемирный торговый центр и Пентагон, де-факто выступили нагляднейшей, можно сказать буквальной репрезентацией столкновения цивилизаций (метафора столкновения материализовалась в реальном физическом столкновении пассажирских лайнеров со знаменитыми, в известном смысле, культовыми сооружениями). И эти столкновения придали завершенность (по крайней мере, внешнюю) такой картине современных конфликтов, одной из важнейших характеристик которой является ассоциация вовлеченных в эти конфликты сторон с различными цивилизациями, существование которых постулируется в современном мире; в данном случае — западной (евро-атлантической, иудео-христианской) и исламской.

⁶ Хантингтон в своих работах был склонен отождествлять данные категории — это можно подтвердить многими ссылками.

⁷ If Not Civilizations, What? Samuel Huntington's Responds to His Critics // Foreign Affairs, November/December 1993.

⁸ The Clash of Civilizations Revisited. An Interview by S. Huntington // New Perspective Quarterly, Vol. 24, № 1 (http://www.digitalnpq.org.archive/2007_winter) /14_Huntington.html).

⁹ Что характерно, в основном на самом Западе, см.: раздел 4.

Конфликты эти, разумеется, устроены весьма сложно, и ни на какой детальный их анализ эта небольшая аналитическая записка никоим образом не претендует и претендовать не может. Ниже представлена попытка выделить и максимально кратко затронуть всего лишь несколько ключевых вопросов, касающихся:

- методологического статуса понятия цивилизации в современных дискуссиях;
 - значительного и зачастую намеренно поддерживаемого зазора между явным и неявным содержанием этих дискуссий, а также между самими этими дискуссиями и действительностью;
- и, наконец,
- прагматики обращения к категории цивилизации в современных политических и идеологических дебатах.

Воспользовавшись, как мне это уже приходилось делать при исследовании социально-политической проблематики¹⁰, семиотической¹¹ терминологией, будем рассматривать эти проблемы как обсуждение, соответственно, синтактики, семантики и прагматики¹² дискуссии о цивилизациях, или, иными словами, цивилизационного дискурса¹³.

1. Цивилизация и цивилизации: структура цивилизационного дискурса

У категории цивилизации имеется несколько различных пониманий. Частично они распределены по разным предметным областям, и поэтому никаких смысловых коллизий с ними не возникает. Однако как минимум между двумя существующими пониманиями имеются достаточно непростые взаимоотношения, требующие специального обсуждения.

Перед тем, как переходить к такому обсуждению, следует оговорить, что в данном разделе будут затрагиваться содержательные различия имеющихся пониманий цивилизации, но не вопрос о

¹⁰ См.: Паршин П.Б. Семиотика социальных институтов и споры об “интеллектуальной собственности” // Полис. — 2004. — № 2.

¹¹ Семиотика — наука о знаках и знаковых системах. Большинство коммуникативных процессов в природе и обществе реализуются в знаковой форме, что объясняет исключительно высокую общность семиотических категорий.

¹² Эти три понятия, обладающие большой объяснительной силой, были введены в конце 1930-х гг. американским ученым Чарльзом У. Моррисом в его книге «Основания теории знаков» (1938, см. фрагментарный русский перевод в издании Семиотика. — М., 1983. — С.37–89). Моррис развивал идеи одного из основоположников семиотики — Чарльза С. Пирса, изложенные последним на рубеже XIX–XX веков в очень трудной для восприятия форме. Синтактика, семантика и прагматика, по Моррису, суть три аспекта знаковой деятельности (семиозиса), соответственно формальный (отношение знаков между собой), содержательный (отношение между знаками и миром) и прагматический (отношение между знаками и теми, кто их использует).

¹³ Понятие дискурса активно обсуждается в литературе — от научной до художественной (ср. сатирическую трактовку дискурса в романе В.О. Пелевина «Empire V»). Не вдаваясь в детали (см, например, статью Кибрик А.А., Паршин П.Б. «Дискурс» — <http://www.krugosvet.ru/articles/82/1008254/1008254a1.htm>), замечу, что в рамках данного изложения цивилизационный дискурс понимается (что является заведомым упрощением) как совокупность текстов, реально существующих или потенциальных, которые посвящены понятию цивилизации или активно его используют.

стоящей за этими пониманиями действительности. Мы начнем с краткого обсуждения внутреннего устройства различных пониманий цивилизации и взаимоотношений между ними, то есть, по сути дела, того, что в логико-лингвистических исследованиях было бы отнесено к «слабой семантике». Факты, входящие в компетенцию слабой семантики (например, многозначность слова или противоположность значений каких-либо слов), можно изучать, не задаваясь вопросами о том, что такое значение и что соответствует тем или иным словам в реальном мире. Иными словами, речь в разделе пойдет о структуре понятийного аппарата, а вот то, насколько он адекватен действительности, будет обсуждаться в разделе о (сильной) семантике цивилизационного дискурса.

Анализ как существующих определений, так и практики словоупотребления позволяет выделить четыре основных понимания цивилизации и цивилизаций (множественное число применимо и существенно важно в рамках двух из четырех пониманий).

Первое (и исторически первичное, о чем подробнее будет сказано ниже) понимание оценочно; именно **оценочным** оно и будет называться в дальнейшем. В соответствии с ним, цивилизация — это некоторая достаточно высокая форма организации человеческого общества, противопоставленная более низким формам, для обозначения которых используются категории «варварства» или «дикости». Где при этом проходит граница между цивилизацией и варварством и по каким параметрам она устанавливается — вопрос, несомненно, дискуссионный и сплошь и рядом остающийся без ответа.

Часто такое понимание называют также стадийным. Эти два названия по-разному проставляют акценты и при этом устроены таким образом, что второе из них опирается на первое: представление о стадийности предполагает заложенную в концепцию прогресса оценочную нагруженность категории «цивилизация» (равно как и категории «варварство»): цивилизация — это хорошо (и прогрессивно), а варварство — это плохо¹⁴. При этом допускается, что между варварством и цивилизацией лежит некоторая шкала, что позволяет назвать данное понимание еще и градуально-оценочным.

В современном словоупотреблении (градуально-)оценочное понимание цивилизации представлено в основном прилагательным *цивилизованный* в таких, например, выражениях как *цивилизованное поведение, цивилизованное решение вопроса, мы же с вами цивилизованные люди* и т. п.

Второе понимание можно назвать **квалифицирующим**. В соответствии с ним, цивилизация (или цивилизованность) — это некоторый отличительный признак общества, могущий характеризовать его на различных этапах его развития. Этот признак может быть противопоставлен каким-то другим признакам, однако это противопо-

ставление носит качественный характер, не поддается квантификации и поэтому рассматривается не как градуальное, а как дискретное¹⁵.

Чаще всего в рамках такого квалифицирующего понимания «цивилизация» противопоставляется «культуре», однако конкретная трактовка этого противопоставления может быть различной. У Освальда Шпенглера¹⁶, с «Заката Европы» которого чаще всего отсчитывают историю квалифицирующего понимания цивилизации¹⁷, культура рассматривалась как категория преимущественно духовная, тогда как цивилизация выступала в качестве чего-то материального, своего рода «мертвого тела» культуры, утратившей свои жизненные силы и способность к развитию. Несложно видеть, что шпенглеровское противопоставление «культура vs. цивилизация» обнаруживает явную аналогию со знаменитой антиномией «energeia vs. ergon»¹⁸, введенной в начале XIX в. для характеристики двух ипостасей языка великим немецким языковедом Вильгельмом фон Гумбольдтом.

Очевидно, что квалифицирующее понимание открыто для оценочной интерпретации. Собственно говоря, она и была реализована Шпенглером, для которого культура была явно предпочтительнее цивилизации. Тем не менее для квалифицирующего понимания цивилизации оценочность обязательной не является.

Иногда понятия «культуры» и «цивилизации» сближаются до полного отождествления, хотя очевидно, что при таком отождествлении реализуются лишь определенные смыслы каждого из этих неоднозначных терминов. Очевидно, что при таком отождествлении возникает естественный вопрос о том, нужно ли такое терминологическое дублирование, на который обычно дается отрицательный ответ, и один из терминов (чаще «цивилизация» как более поздний) объявляется излишним. Возможны, однако, и отличные от шпенглеровского трактовки противопоставления цивилизации и культуры.

Еще одно понимание цивилизации, которое в дальнейшем изложении использоваться более не будет, но которое тем не менее необходимо упомянуть, чтобы оценить то пространство смыслов, с которым связан термин «цивилизация», можно назвать **идентифицирующим**. При таком понимании понятие цивилизации оказывается практически тождественным понятию общества, выделившегося из мира природы и приобретшего способность к созданию разнообразных артефактов — технических, социальных, когнитивных и т.д. В данном значении слово *цивилизация* используется в таких выражениях, как *на заре цивилизации* или *конец цивилизации* (показательно, что все это характеристики временных границ цивилизаций); в названии известной компьютерной игры «Цивилизация»; оно

¹⁵ Точнее, эквивалентное, если воспользоваться разработанной для других целей классической терминологией Н.С. Трубецкого. См. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. Изд. 2-е. — М., 2000.

¹⁶ Шпенглер О. Закат Европы. В 2-х т. — М., 2004.

¹⁷ Следует учитывать, что эта трактовка достаточно органично соседствует у Шпенглера с совсем другим, типологическим пониманием цивилизации, о котором пойдет речь далее.

¹⁸ Эти греческие термины переводятся как «деятельность» и «продукт деятельности» соответственно, однако в лингвистике и философии языка сложилась традиция использовать их без перевода, иногда даже в греческом написании.

широко используется в антропологии, где у него, в свою очередь, имеется много определений — а также в археологии применительно к обществам, существование которых предполагается на основании изучения материальных следов их жизнедеятельности — например, критская цивилизация или цивилизация долины Инда. Интересно, кстати, что в точно таком же значении иногда используется все тот же термин «культура» (ср. какую-нибудь культуру ленточной керамики в археологии).

Наконец, четвертое понимание цивилизации естественнее всего назвать **типологическим**. Это понимание предполагает одновременное существование и какие-то (конфликтные или кооперативные) формы взаимодействия в современном мире существенно различных цивилизаций — отсюда и множественное число, необходимость в котором не возникает в рамках двух первых пониманий.

Очевидно, что именно это последнее понимание предполагается современными дискуссиями о межцивилизационном взаимодействии, то есть именно оно наиболее востребовано прагматически (специфика этой востребованности будет подробно рассмотрена далее в разделе 3).

С этим пониманием, однако, связаны две непростые проблемы, что, собственно, и делает его наиболее дискуссионным.

Первая проблема относится к области «сильной семантики» и заключается в том, что используемый в таком понимании (равно как и в третьем из вышеперечисленных) термин «цивилизация» референциален, то есть постулируемые им различные цивилизации принадлежат не к миру оценок (первое понимание) или дескрипций (второе понимание), а к реальному миру, и поэтому обращение к конкретным цивилизациям влечет за собой стандартную для любой типологии проблему соотношения постулируемых типов (в данном случае цивилизаций) с действительностью. Любая типология опирается на понятие идеального типа, а конкретные реализации всякого идеального типа могут отличаться от него очень значительно, что создает поводы для дискуссий о числе цивилизаций, границах и характере взаимодействия между ними¹⁹ и проч., а равно и о соотношении цивилизаций с другими категориями, в том числе и с категориями государства.

Вторая же проблема относится к компетенции «слабой семантики», и заключается она в том, что типологическое понимание находится в очень непростых, тяготеющих к конфликтности (причем конфликтности, легко приобретающей идеологическую окраску) отношениях с первым, оценочным пониманием цивилизации. Проявления такой конфликтности легко усмотреть в истории самых различных дисциплин, и она не в последнюю очередь определяет диалектику их развития. Представляется уместным вкратце остановиться на некоторых показательных эпизодах и аналогиях.

¹⁹ Понятно, что представление о конфликте цивилизаций — это одна из возможных позиций именно в дискуссиях такого типа.

Историко-методологический экскурс

С чисто гносеологической точки зрения противопоставление между ориентациями на универсализм (в формулировке отечественного математика и методолога науки Ю.А. Шрейдера, «Ищи абстрактное, общее, типичное, инвариантное») либо, напротив, интерес к разнообразию («Ищи конкретное, общее, частное, индивидуальное») представляют собой диалектически взаимосвязанные познавательные установки (эвристики), являющиеся инструментами поиска истины, но сами по себе лежащие вне плоскости истинностных оценок и поэтому в равной степени имеющие право на существование²⁰. Однако в процессе интеллектуального осмысления действительности использование противоположных эвристик осложнено некоторыми дополнительными факторами иной, нежели гносеологическая, природы.

Так, во множестве случаев поиску универсального предшествует этап, на котором в качестве универсального выступает привычное, знакомое и, в частности, просто свое, и этому своему довольно естественным образом сопутствует оценка — в норме позитивная, хотя в определенных ситуациях (но лишь после знакомства с другими вариантами) могущая и поменять свой знак. Следствием этого является то, что на роль универсальных начинают претендовать на самом деле достаточно случайные характеристики, тогда как подлинно универсальные черты могут быть выявлены лишь после знакомства с максимально возможным разнообразием.

Любая типология, классификация, любое каталогизаторство как признание и свидетельство разнообразия избегает оценочности; оценочность же, в свою очередь, тяготеет к универсальности и пренебрежению разнообразием. Однако и признание разнообразия также может иметь различную прагматику и быть направлено как на сопряженное со страхами и даже отчаянием постулирование неуниверсальности и несводимости наблюдаемых явлений (на начальном этапе, который, применительно к разнообразию цивилизаций, мы, судя по всему, переживаем в настоящий момент), так и на культивирование разнообразия и, в дальнейшем, на попытку определить его реальную структуру, смысл и потенциал.

Оценочное понимание цивилизации восходит к «облагороженной» античностью, но на самом деле сугубо архаичной модели противостояния «свой — чужой»: свое общество мыслится как правильно устроенное и, тем самым, более совершенное (в пределе — единственно правильно устроенное и только и могущее считаться обществом). Все прочие общества предполагаются менее совершенными (в пределе — вообще не обществами, а дикими ордами, а то и вовсе стаями человекообразных по какой-то прихоти природы существ.) Цивилизация в таком понимании существует только одна (подобно пресловутой булгаковской свежести осетрины, которая тоже «бывает только одна — первая, она же последняя»), а ежели слово *цивилизация* стоит во множественном числе, то оно обозначает что-то совсем

²⁰ См.: Шрейдер Ю.А. Сложные системы и космологические принципы // Системные исследования. — М., 1976. Формулировки эвристик цитируются по Шрейдер Ю.А. Эвристика, или 44 способа познать мир // Химия и жизнь. — 1979. — № 1. — С. 5.

другое, не имеющее права на обозначение себя этим почти святым именем²¹.

Типологическое представление о множественности цивилизаций несравненно моложе: оно стало складываться в первой четверти XIX в. и в достаточно полном виде было сформулировано в 1868 г. в труде «Россия и Европа» русского публициста и социолога Н.Я. Данилевского (1868), который использовал для обозначения цивилизаций иное (и, пожалуй, более точное, хотя и менее удобное) название — культурно-исторические типы. Из идеи множественности цивилизаций исходил и уже упоминавшийся Шпенглер («Закат Европы», 1918), а ставшую стандартной форму типология цивилизаций приняла у Арнольда Тойнби («Цивилизации перед судом истории», 1947). Значительную роль в развитие теории цивилизаций внесли также представители французской исторической школы — Люсьен Февр, Марк Блок, Фернан Бродель и их более молодые последователи.

Идея множественности цивилизаций и культур возникла в совершенно определенном историческом контексте и имела целый ряд коррелятов в других научных дисциплинах. В ней, несомненно, проявился (и, *mutatis mutandis*, продолжает проявляться) дух времени, в силу чего взгляд на другие варианты его проявления может способствовать лучшему пониманию развития дискуссий о взаимодействии цивилизаций. Наиболее интересно рассмотреть аналогию из истории науки о языке — тем более с учетом того, что это более чем аналогия: языковое своеобразие (правда, в довольно специальном понимании) является одной из отличительных черт цивилизации²².

Существенным аспектом такого понимания является отношение к языкам других народов. Практически во всех автохтонных лингвистических традициях под языком понимался только язык того этноса (древнегреческий, санскрит, древнекитайский), который формировал данную лингвистическую традицию, тогда как окружающие племена полагались безъязыкими и соответствующими образами именовались²³. Варвары для греков и римлян — это племена, говорящие на каком-то неразборчивом языке; немцы для русских (первоначально это слово использовалось по отношению ко всем иностранцам) — это «немые», лишенные дара речи люди.

На Западе такое понимание было на время поколеблено возникновением христианства и учением отцов церкви, но в дальнейшем,

²¹ Такую точку зрения пафосно отстаивает, например, А.Л. Янов, ср. его статью: Янов А.Л. Сколько на Земле цивилизаций // Россия в глобальной политике. — 2006. — № 5. Главными своими союзниками Янов при этом полагает Аристотеля (латинским по происхождению термином «цивилизация» древнегреческий ученый, конечно, не пользовался) и Гегеля. Последний в трактовке американского ученого предстает тем самым защитником свободы — взгляд, с которым вряд ли согласился бы Карл Поппер, всегда настаивавший на том, что Гегель был одним из главных идейных врагов открытого общества.

²² Так, В.Л. Цымбурский считал важным параметром цивилизационного своеобразия не собственно язык (языков заведомо на несколько порядков больше, чем цивилизаций), а письменность, хотя нельзя не признать, что для большей части постулируемых цивилизаций явно выделяется и «главный язык»; там же, где выделить его трудно, спорной предстает и цивилизационная идентичность. Впрочем, она небесспорна и в других случаях, о чем будет сказано далее. См.: Цымбурский В.Л. Народы между цивилизациями // Цымбурский В.Л. Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. М., 2007.

²³ Алпатов В.М. История лингвистических учений. — М., 1998. — С. 20-22.

с формированием европоцентризма, возродилось на новом уровне. Применительно к языкам этому способствовали генетическая близость между собой большинства языков Европы и длительное функционирование латыни как общеевропейского языка науки, культуры и права.

Новое движение в сторону признания разнообразия началось с эпохой великих географических открытий и с распространением идей французских просветителей. Исследования считавшихся «дикими» обществ на фоне идей Просвещения положили начало тому развитию, которое спустя более чем полтора века вылилось в теорию и практику политкорректности. На рубеже XIX и XX вв. важную роль в таком развитии сыграл Франц Боас, переехавший в США из Германии и ставший учителем нескольких поколений американских антропологов. В языкознании наметился отказ от универсальных грамматик, приведший к становлению классического дескриптивизма, важными положениями которого стали представление о непредсказуемом разнообразии грамматик и замена априорных представлений об общих закономерностях устройства языков универсальной схемой «открытия» конкретных реализаций этого разнообразия, то есть отказ от теории в пользу метода.

С возникновением в середине 1950-х гг. генеративной грамматики, а потом и различных альтернативных ей, но также претендующих на универсализм теорий в лингвистике снова началось очевидное движение маятника в обратную сторону. А вот со взглядами на цивилизационную структуру человеческого общества дело пока что обстоит иначе. Как было отмечено в начале настоящей записки, в дискуссиях о разнообразии цивилизаций явно доминируют сторонники признания такого разнообразия. Довольно парадоксальным образом такое признание лежит как в основе политкорректности, так и в основе теории конфликта цивилизаций: обе они исходят из того, что разнообразие значительно и требует относиться к нему со всяческими реверансами. Альтернативная точка зрения воспринимается как консервативная, если не реакционная, и притом сильно идеологизированная, хотя, как будет показано в дальнейшем, теория множественности цивилизаций идеологизирована ничуть не меньше.

Можно привести и другие примеры аналогичного интеллектуального движения, например, появление (примерно в то же время, в конце 19 в.), описательных словарей в противоположность более традиционным нормативным; в этой области мы пока что находимся на этапе доминирования интереса к разнообразию, а не к универсализму, который все еще слишком сильно ассоциируется с нормой, или возникновение в науковедении релятивистских решений проблемы демаркации — отделения научного знания от ненаучного. Крайняя точка здесь пока что была достигнута в «методологическом анархизме» П. Фейерабенда, причем интересно, что тот же Ю.А. Шрейдер, который писал о равноправности эвристик, в других своих работах

применительно к методологии научного поиска все же явно вставал на сторону «нормативно-универсалистской» эвристики²⁴.

Все работы, в которых обосновывалась идея множественности цивилизаций, в свое время стали, говоря современным языком, интеллектуальными бестселлерами, однако интерес к ним в то время носил скорее академический характер. И весьма показательно, что самая поздняя и наиболее развитая концепция Тойнби была разработана историком и претендовала скорее на объяснение прошлого (это была полемика с марксистской стадийной моделью исторического развития), нежели на анализ современности. Между тем, такие актуальные в настоящее время понятийные конструкции, как уже упомянутые «столкновение/конфликт²⁵ цивилизаций» и выдвинутые в противовес им «умиротворяющие» категории/проекты «диалог между цивилизациями»²⁶ и «Альянс цивилизаций»²⁷, явным образом обращены к современности, к актуальной мировой политике, к ее аргументационной поддержке и к ее отражению в общественном сознании. Реальные политические коллизии, которые предположительно требуют объяснения в цивилизационных терминах, будут названы в Разделах 2.1.—2.2., а в настоящем разделе будет кратко охарактеризован теоретико-методологический статус представления о множественности цивилизаций.

Начать необходимо с того, что обращение к категории цивилизации в теории международных отношений делает ее онтологию **двухслойной** и вводит некоторый **дополнительный объяснительный уровень**, предположительно более глубинный по сравнению со стандартной картиной субъектов международных отношений. Категория цивилизации претендует на то, что ею задается некоторый относительно имплицитный **фон** международных отношений, стоящий за (или, если угодно, лежащий под) их эксплицитной формальной системой, выражающейся в отношениях между государствами, по большей части являющимися членами ООН и, тем самым, перечисленными в списке таковых членов. Список цивилизаций, разумеется, не является формальным документом, и состав его остается дискуссионным — скажем, у Хантингтона это *западная, православная, индуистская, исламская, китайская, латиноамериканская, японская* и, возможно, *африканская* цивилизации. Излишне напоминать о том, что этот список можно как сократить, так и расширить, что реально неоднократно и делалось разными авторами.

Известный методологический принцип «бритвы Оккама», сформулированный еще в XIV в., требует «не умножать сущности сверх необходимости». Разумеется, большинство исследователей, вводя в свою концепцию то или иное понятие, пребывают в убеждении относительно его сугубой необходимости; возможность обойтись без него выявляется позже и обычно уже другими людьми (а зачастую

²⁴ См.: Шрейдер Ю.А. Ценности, которые мы выбираем. Смысл и предпосылки ценностного выбора. Ч. IV. Логика — этика науки. — М., 1999.

²⁵ О соотношении этих выражений см. далее.

²⁶ Автор — экс-президент Ирана М. Хатами.

²⁷ Такое название получила инициатива ООН, впервые озвученная в 2005 г. председателем правительства Испании Х.Л. Родригесом Сапатеро.

и другими поколениями). Так в чем же в настоящий момент усматривается теоретическая необходимость введения представления о множественности одновременно существующих цивилизаций и о взаимодействии между ними в науку о международных отношениях, в которой традиционно основным субъектом считается нация-государство? Какая интуиция стоит за этим концептуально-теоретическим новшеством?

Для ответа на этот вопрос необходимо перечислить важнейшие черты цивилизаций в противоположность другим образованиям, постулируемым в международных отношениях, и прежде всего — государствам. Как представляется, к их числу заведомо относятся следующие характеристики:

1. Любая цивилизация (в типологическом, а тем более в оценочном понимании) осмысляется как нечто более **органическое** и **естественное**, нежели государство. За категорией цивилизации отчетливо просматривается так называемая **организмическая метафора**: цивилизации, как считается, возникают, растут, взрослеют, стареют и — при рассмотрении некоторых цивилизаций в исторической перспективе — умирают подобно живым существам. Об этом явным образом писали, в частности, Данилевский и Шпенглер; последний даже давал количественную оценку продолжительности среднего жизненного цикла цивилизации — порядка 1000 лет.

Метафора государства иная, а именно — **структурно-механистическая**, что отражено, например, в таких категориях как «государственный механизм» или «государственный аппарат». Государства создаются и управляются, они могут реорганизовываться и распускаться — иными словами, они подобны скорее искусственным объектам, техническим артефактам, хотя бы и имеющим сложную внутреннюю структуру.

2. Каково бы ни было постулируемое в рамках той или иной концепции число цивилизаций, оно заведомо более чем на порядок **уступает** количеству имеющихся на настоящий момент государств и более чем на два порядка — количеству этносов.

Границы большинства постулируемых цивилизаций шире государственных границ, в рамки одной цивилизации включается несколько²⁸, в ряде случаев много (несколько десятков) государственных образований — а также частей таковых, что делает карту цивилизаций еще более сложно соотносящейся со стандартной политической картой мира. В еще большей степени это относится к соотношению цивилизационной карты с этнической картой мира.

²⁸ Исключениями, если принимать предложенный Хантингтоном список цивилизаций, выглядят Япония и отчасти Китай, близкие к статусу т.н. цивилизации-государства (Хантингтон сочувственно цитирует принадлежащее Л. Паю определение Китая как «цивилизации, притворяющейся государством»). Еще одним, противоположным исключением можно, по-видимому, считать Иран, продолжительность непрерывной государственной идентичности которого превосходит продолжительность постулируемой во всех типологиях исламской цивилизации, важной составной частью которой является эта страна. Не столь уж редкие попытки представить в качестве цивилизации-государства также Россию или хотя бы СССР (небезызвестная концепция «советской цивилизации» С.Г. Кара-Мурзы) вызывают серьезные сомнения.

Тем не менее, ряд аналитиков настаивают на том, что у понятия цивилизации имеются также географический (точнее, геополитический) и этнический компоненты. Уместно привести обширную цитату из В.Л. Цымбурского, который полагал, что каждая (типологически понимаемая) цивилизация задается тремя множествами признаков: «это – 1) типологически контрастные традиции духовности и социальности, 2) которыми охватываются относительно ограниченные, тяготеющие к самозамкнутости ареалы в мировом географическом раскладе таким образом, что 3) каждая такая традиция воплощена в специфической популяции-носителнице, этносе или группе этносов, с обособленной традицией государственного строительства и геополитической сюжетикой <...>. Иначе говоря, каждая цивилизация – это образ “особого человечества на отдельной земле”»²⁹. С этим можно согласиться с той оговоркой, что таким образом задается картина идеальных типов, и в общем-то к этим идеальным типам ближе всего стоят как раз японская и китайская «государствоподобные» цивилизации.

3. Одной из важнейших характеристик цивилизации предполагается **длительность ее существования**, значительно превосходящая (с некоторыми оговорками, сделанными выше) длительность существования относимых к той или иной цивилизации государств. Цивилизация предстает как гарант сохранения культурной традиции и – в большинстве случаев – как сила, способная и часто склонная противостоять культурным и социально-экономическим, а иногда даже техническим и военным инновациям³⁰.

4. Принято считать, что в содержании категории «цивилизация» существенную, если не основную роль (здесь многое зависит от понимания цивилизации – см. выше) играют **духовные факторы** – традиции, ценности, верования, культурные навыки и установления, практика межличностных и семейных отношений. Это отражается, например, в очень распространенных трактовках межкультурных отношений как прежде всего межрелигиозных, в частой апелляции к ценностным конфликтам или, например, к трактовке

²⁹ Цымбурский В.Л. Сюжет для цивилизации-лидера: самооборона или саморазрушение? // Цымбурский В.Л. Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. – М., 2007. – С. 199.

³⁰ Вообще говоря, в истории имеется немало свидетельств того, что военно-технические инновации заимствуются легче всего. Более того, стремление заимствовать их, одновременно блокируя все остальные (мечта о «татарской нагайке работы немецкого мастера», говоря словами И.С. Аксакова, который, надо отдать ему должное, хотя и был славянофилом, но вкладывал в эту формулу негативную оценку), характерна для множества политических режимов в самых разных частях света. В свете того, о чем пойдет речь в дальнейшем, характерна следующая идеологическая конструкция, приписываемая Усаме бен Ладену: «Единый всемирный исламский халифат будет поддерживать торговые отношения с Западом и заимствовать высокие технологии, но заимствования иудейских и христианских ценностей, а также демократического образа жизни будут строжайше запрещены». – Цит.: Хохлов И.И. Исламский терроризм – Глобальный джихад Салафи и международная террористическая сеть Аль-Каида // <http://www.nationalsecurity.ru/library/00016>. Последователей у такой модели предостаточно и за пределами исламского мира. Противостояние военно-техническим заимствованиям, тем самым, предстает как крайняя степень цивилизационного консерватизма, которая, однако, иногда встречается и обычно дорого обходится его адептам (ср., скажем, Китай конца XIX в.).

«подлинной сущности» конфликта цивилизаций как глубинного различия между системами гендерных отношений³¹.

Государствам — в разное время в разной степени — тоже присуще сознательное стремление к духовной самолегитимизации, но это именно стремление к сближению изначально нетождественных вещей, далеко не всеми воспринимаемое как желательное и целесообразное и вызывающее постоянное противодействие (ср. давний принцип «Богу — Богово, Кесарю — Кесарево»).

5. Очевидно, впрочем, что само отношение к балансу государства и духовных институтов является одним из тех параметров, которые различают цивилизации (процитированная выше максима — характерно христианская). И в этой связи необходимо упомянуть еще один важнейший признак категории цивилизации: она применяется для обозначения некоторой **целостности** всего того комплекса материальных и духовных сторон жизни, которые отличают признаваемые разноцивилизационными общества друг от друга. Это могут быть и особенности экономической структуры общества и способов ее функционирования, и социальное своеобразие, и политическая организация, и религия, и идеология, и культура, и бытовые отношения, и все прочее.

Возможной представляется трактовка цивилизаций как **устойчивых систем различных культурных компонентов**, или, если применять к каждому из таких компонентов название «культура» (что широко практикуется), **«разнопредметных культур»**: политической, экономической, трудовой, управленческой, семейной, бытовой, художественной, религиозной и т. д. При этом каждая из таких разнопредметных культур имеет две составляющие: **когнитивную и материальную**. Первая включает в себя, в соответствии с трактовкой, предложенной В.М. Сергеевым³², три устойчивых компонента: онтологические предпосылки, системы ценностей и стереотипы действия, то есть, грубо говоря, представления о том, что из себя представляет тот или иной предметный фрагмент мира, каким он, с точки зрения субъекта действия должен быть, и как переходить от актуального состояния к желаемому. Второй компонент — это материальные артефакты, в которых реализована та или иная «конкретно-предметная культура»: система институтов, поведенческие практики, семейные отношения и проч.

6. Цивилизационные различия, именно в силу их естественности, **легко поддаются интуитивной идентификации, но с трудом — убедитель-**

³¹ Такая точка зрения лишь на первый взгляд кажется экзотической. На самом деле структуры гендерных отношений сильно коррелируют с религиозными различиями и отражают ту, мягко говоря, немаловажную роль, которую отношения между социальными полами играют в жизни общества и каждого отдельно взятого человека (ср. Inglehart, R., and P. Norris. The True Clash of Civilizations // <http://www.globalpolicy.org/globaliz/cultural/2003/0304clash.htm>). В качестве почти анекдотического примера можно сослаться на прозвучавшее несколько лет назад признание известного российского рок-музыканта Ю.Ю. Шевчука о том, что после знакомства с жизнью женщины в исламском обществе он пришел к выводу о том, что такая организация отношений между полами является оптимальной. Не исключено, что аналогичными соображениями хотя бы отчасти руководствуются и новообращенные мусульмане из числа этнических славян, в т.ч. бывших православных.

³² См., например: Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Становление институтов представительной власти в современной России. — М., 2004. — С. 17 — 22.

ной научной рефлексии. И здесь цивилизации неожиданным образом снова оказываются подобны языкам, о которых уже упоминавшийся выше В. фон Гумбольдт когда-то сказал, что «в общей картине языка наше чувство с большой ясностью и убедительностью воспринимает его отдельные и преходящие элементы, но исследователю не удается с достаточной полнотой формулировать воспринятое в четких понятиях»³³.

Комплексность описанного типа, собственно говоря, и делает цивилизации «органичными, большими и долговременными». Из нее естественным образом вытекают также консервативность цивилизаций (п. 4 выше) и важная роль в них духовных факторов (п. 5). Национальные, государственные, культурные, религиозные различия, порой очень значительные, вполне могут ужиться с общей цивилизационной идентичностью, признаваемой практически всеми наблюдателями. Так, внутри западной цивилизации представлены две серьезно различающиеся христианские концессии и иудаизм (а также, например, мормонство), а также несколько заметно различающихся культур (как минимум, северно-европейская, южно-европейская и неправославная восточно-европейская); по несколько религий уживаются в Индии, Китае и даже в меньшей по размеру и численности населения Японии; первые две страны также никак нельзя назвать едиными в культурном отношении. Конечно, через Индию и Китай проходят цивилизационные разломы, но и внутри собственно индустриальной и собственно китайской цивилизаций представлено более одной религии.

Итак, типологическое понимание цивилизации предполагает, что *цивилизации — это различающиеся между собой и могущие существовать одновременно наиболее крупные классы человеческих сообществ*³⁴, *носящие более естественный и органический характер, чем государства, отличающиеся большой временной устойчивостью и выделяемые на основании комплексной и интуитивно наглядной культурной характеристики, охватывающей все стороны жизни этих сообществ.* Для фиксации такого понимания удобно было бы воспользоваться термином **идиоцивилизации**³⁵, однако по причине нетрадиционности он в данной записке будет использоваться лишь эпизодически.

Понимаемые таким образом цивилизации представляют собой существенный фактор той среды, в которой существует современная система международных отношений — но, как мы надеемся показать далее, не элемент этой системы.

³³ Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. — М., 1984. — С. 71.

³⁴ Различного рода «надцивилизации» и «суперцивилизации» обсуждаются пока только как проект. Хантингтон прямо писал, что такие группы людей, как, например, арабы, китайцы и народы Запада (Westerners), ни в какие объемлющие культурные сообщества не входят; цивилизации, тем самым, признаются наиболее крупными группировками людей.

³⁵ От греч. *idios* 'особый', по аналогии с термином «идиоэтнический язык» — так в современной лингвистике принято называть язык конкретного народа, например, русский, английский, суахили или гавайский, независимо от его социолингвистического статуса.

Цивилизационный фактор может привлекаться и реально нередко привлекается в качестве объяснительной категории при трактовке тех или иных сторон мировой политики. В силу этого уместными (и даже настоятельными) представляются два вопроса. Во-первых, насколько велик объяснительный потенциал понятия (идио)цивилизации и производной от него концепции конфликта (соответственно, диалога или альянса) цивилизаций и насколько корректно он используется в современных дискуссиях — от академических до бытовых? И, во-вторых, почему это понятие и эти концепции стали в последние годы столь востребованным?

Ответу на эти вопросы посвящены следующие два раздела.

2. Семантика цивилизационного дискурса: отношение концепции столкновения цивилизаций к действительности

Трагические события 11 сентября 2001 г. стали лишь наиболее впечатляющим (и далеко не последним — достаточно упомянуть террористический акт 11 марта 2004 г. в Мадриде и террористическую атаку 26 ноября 2008 г. в индийском мегаполисе Мумбаи, бывшем Бомбее) проявлением того развития, для обозначения которого стала так охотно использоваться хантингтоновская формула столкновения цивилизаций. На самом деле событий и процессов, подводимых под эту формулу, гораздо больше, и природа их весьма разнообразна. Однако перед тем, как переходить к их рассмотрению, необходимо сделать одну принципиально важную оговорку. Заключается она в том, что число теоретически возможных межцивилизационных столкновений при том количестве цивилизаций, которые принято выделять в современном мире, довольно велико. Если рассматривать только те из них, в которых участвуют две цивилизации, то их число определяется известной комбинаторной формулой:

$$C_n^k = \frac{n!}{k!(n-k)!}$$

(где n — количество комбинируемых сущностей, в данном случае идиоцивилизаций, k — количество сущностей в комбинации, в данном случае — участников конфликтного взаимодействия, C — число возможных комбинаций из n по k ; ! — факториал — знак математической операции).

Если, вслед за Хантингтоном, принять число существующих в настоящее время в мире цивилизаций равным 8-ми, то число потенциально возможных бинарных межцивилизационных конфликтов между ними, согласно этой формуле, окажется равным 28-ми. На практике, однако, дискуссии тяготеют почти исключительно к тем столкновениям, в которых одной из сторон является либо западная цивилизация, либо исламская, причем в подавляющем большинстве

случаев речь идет о столкновении непосредственно между этими последними.

Фактически это означает, что на настоящий момент понятие столкновения цивилизаций выступает **эвфемистическим** (хотя и не до степени полной политкорректности) обозначением одного совершенно конкретного множества взаимодействий, трактуемых как проявления **противостояния западной и исламской цивилизаций**. Это противостояние является (или, по крайней мере, считается) наиболее конфликтным; конфликт в наибольшей степени проявляется в силовых формах; он отличается наибольшей остротой и имеет наиболее широкую географию. Представление об этом конфликте занимает в настоящее время очень значительное место в общественном сознании как жителей стран Запада, так и большинства населения исламских стран. Фактически, в настоящее время он выступает в качестве **прототипического межцивилизационного конфликта**.

Межцивилизационные взаимодействия, которые могут трактоваться как столкновения с участием православной и китайской цивилизаций, рассматриваются в научной литературе и политической журналистике реже. Как легко догадаться, интерес к столкновениям православной цивилизации с исламской, западной и китайской характерен в основном для исследователей из России и для российского общественного мнения³⁶, а перспектива столкновения западной и китайской цивилизаций интересует в основном представителей западной науки (тот же Хантингтон считал это столкновение потенциально столь же серьезным, как и столкновение с исламской цивилизацией). Прочие ситуации межцивилизационного взаимодействия анализируются в основном в региональном и субрегиональном форматах и в данной записке сколько-нибудь детально не рассматриваются.

Итак, каковы же те события в мировой политике и тенденции ее развития, которые часто трактуются как проявления столкновения цивилизаций? Иными словами, как цивилизационный диалог соотносится с действительностью, какова его «сильная семантика»?

2.1. *Se qu'on appelle* «столкновение цивилизаций»: частные проявления на рубеже XX–XXI вв.

Попробуем перечислить наиболее часто признаваемые проявления конфликта цивилизаций. По причинам, оговоренным выше, рассматриваются в основном те из них, в которых, в соответствии со стандартной и, как будет ясно из дальнейшего обсуждения, сильно упрощенной трактовкой, в качестве одной из сторон, выступает «исламская цивилизация», хотя в ряде случаев отмечаются и другие эпизоды межцивилизационных взаимодействий.

• Прежде всего, конечно, необходимо упомянуть те столкновения, которые носили и/или носят характер **вооруженных конфликтов** разной степени интенсивности. Таковые в последние десятилетия фиксировались на Ближнем Востоке, в Ираке и в Афганистане (противостояние западной

и исламской цивилизаций³⁷), на Балканах (Албания, Босния, Косово — противостояние исламской и православной цивилизаций), на Северном Кавказе (прежде всего, в Чечне), в Кашмире (исламская vs. индуистская цивилизации) и в некоторых регионах Юго-Восточной Азии. Излишне напоминать, что инициатива перехода некоторых из этих конфликтов (афганского, второго иракского и в чуть меньшей степени чеченского) в военную фазу (если вообще не ответственность за их возникновение) лежала не на «исламской» стороне.

- Деятельность многочисленных **исламских террористических организаций**, вышедшая за географические границы Ближнего Востока и приобретшая в последнее десятилетие фактически глобальный характер.

- **Рост численности этих организаций**, причем в первую очередь за счет представителей весьма обеспеченной и получившей (сплошь и рядом — на Западе) хорошее образование молодежи.

- **Демографическое давление** на западную и православную цивилизации со стороны других цивилизаций, приводящее к массовому появлению в развитых странах большого количества инокультурных и все активнее настаивающих на сохранении своей культурной (а по ряду трактовок — цивилизационной) идентичности иммигрантских общин. Вообще-то, это скорее давление «Юга» на «Север» (см. Раздел 2.2. далее), требующее диверсифицированного описания. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что в рамках этого давления представители именно исламской цивилизации в наибольшей степени склонны к формированию замкнутых гетто, не стремящихся инкорпорироваться в жизнь стран-реципиентов и зачастую избирающих стратегию прямой внутренней агрессии против них (как минимум, бытовой), с чем сталкивается население стран Западной Европы, а в определенной степени и России. Кстати, в США подобного рода столкновение во все большей степени усматривается между западной и латиноамериканской цивилизациями: знаменитый «плавильный котел» применительно к представителям последней начинает давать сбои³⁸.

- **Распространение ислама в традиционно неисламских регионах мира** (в США, Западной Европе, славянских регионах России, во многих африканских странах) и количественный (да и качественный — ср. выше) рост числа его приверженцев³⁹.

³⁷ Характеристика в межцивилизационных терминах афганской войны СССР затруднительна: здесь необходимо либо постулировать советскую цивилизацию (не последним среди воинов которой, как известно, был, например, Дж. Дудаев), либо отождествлять православную цивилизацию с западной. Подобное затруднение является очевидным свидетельством неадекватности цивилизационной трактовки мировых конфликтов; правда, на это можно возразить, что афганская кампания СССР имела место в другой исторический период, нежели «эра столкновения цивилизаций».

³⁸ Активно муссируемая в прессе и вызывающая сильную озабоченность общественного мнения ситуация, иногда описываемая как столкновение православной и китайской цивилизаций в России (в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке), пока что выглядит не вполне определенной — хотя бы в том плане, что сами факты, относящиеся к ней, трактуются наблюдателями по-разному и даже вообще ставятся под сомнение.

³⁹ Давние строки из «Спора» М.Ю. Лермонтова о «дряхлом Востоке» и бедуине, который «забыл наезды для цветных шатров и поет, считая звезды, про дела отцов» сейчас воспринимаются в лучшем случае с ностальгической иронией.

- Усиление внутри исламского мира позиций **радикального воинствующего исламизма**, ориентированного на ту или иную версию джихада⁴⁰. Справедливости ради следует заметить, что усиление радикализма, представляющее собой до определенной (к сожалению, очень опасной) стадии процесс с положительной обратной связью, можно наблюдать и в других цивилизациях, в частности православной и индуистской.

- Рост **военного потенциала ряда государств, безусловно относимых к исламскому миру** (прежде всего, Ирана и Пакистана), и, в частности, появление в арсеналах последнего ядерного оружия («исламской бомбы») и средств его доставки (пока что — угроза в основном в рамках мусульманско-индуистского противостояния, если трактовать его в цивилизационных терминах).

- Своего рода проявлением столкновения цивилизаций иногда считают весьма агрессивный выход на мировые финансовые рынки игроков из стран Ближнего Востока, Восточной Азии, а с недавних пор также и России, относящихся, по Хантингтону, к незападным цивилизациям, располагающих большими финансовыми ресурсами и склонных использовать их для взятия под контроль определенных сегментов экономических систем Запада. Впрочем, глобальный финансово-экономический кризис, начавшийся во второй половине 2008 г., способен, по-видимому, сильно и непредсказуемо изменить картину в данной сфере.

- Наконец, рост самых разнообразных возможностей у представителей незападных стран и серьезные карьерные успехи некоторых из них иногда тоже рассматриваются как потенциальная угроза широко понимаемому западному миру и, тем самым, тоже возможный эпизод столкновения цивилизаций⁴¹.

Задаваемая этими тенденциями картина, безусловно, свидетельствует о серьезных изменениях в системе международных отношений. Что же, история знала немало таких изменений, и останавливаться она явно не собирается. Вопрос в том, как эти изменения трактовать. Теория столкновения и тем более конфликта цивилизаций как основной движущей силы современного развития мировой политики⁴², справедливо принимая во внимание многие из нынешних тенденций, неявно тяготеет к включению в себя еще одной важной предпосылки, а именно — **гипотезы о субъектности цивилизаций**.

Изменение субъектной структуры международных отношений, несомненно, является еще одним фактором мировой политики, действующим в ней на протяжении уже длительного времени и со-

⁴⁰ Подробнее см.: Хохлов И.И. Ук. соч.

⁴¹ Когда в начале 2008 г. было осознано, что Барак Обама имеет серьезные шансы быть избранным на пост президента США (что и произошло, притом триумфально, 4 ноября 2008 г.), стали раздаваться опасения относительно того, как поведет себя в случае серьезного международного кризиса такой «иноцивилизационный» президент (в России на эту тему публично рассуждал, например, такой противоречивый, но имеющий серьезный послужной список на ниве политических технологий персонаж, как С.Л. Доренко). Можно вспомнить и о том, что среди многочисленных трактовок деятельности И.В. Сталина присутствует и апелляция к его «иноцивилизационности» для России. Такие трактовки кажутся в высшей степени сомнительными, но само их существование — это тоже некоторое отражение «столкновения цивилизаций».

⁴² В особенности в ее популярном, «сниженном» виде.

вершенно безотносительно к тем проявлениям межцивилизационных столкновений, которые были перечислены выше.

Общепризнано, что в XX в. к таким классическим (с конца XVIII в.) субъектам мировой политики, как государства, союзы государств, а также нации и национальные движения, стали добавляться новые субъекты, к числу которых, несомненно, относятся **межправительственные организации**, а с конца XX века также **международные неправительственные организации (МНПО)** и **транснациональные компании (ТНК)**. Существуют также аргументы в пользу включения в число субъектов международных отношений различного рода **медийных и информационных игроков** (ср. популярную метафору медиаимперии; впрочем, такие игроки могут быть отнесены к категории ТНК, хотя и не без оговорок); **различных групп интересов внутри стран; отдельных крупных и экономически мощных городов и регионов; различных сетевых структур**, наиболее известные из которых имеют террористический характер — такова международная сеть Глобальный джихад Салафи и ее подразделение Аль-Каида; наконец, в некоторых регионах, в основном в так называемых «несостоявшихся государствах» (failed states), — просто вооруженные **группировки**⁴³. В принципе, можно даже задаться вопросом о том, не могут ли иметь статус субъектов международных отношений **частные лица** — во всяком случае, в международных культурных и идеологических отношениях это явно возможно.

Не вдаваясь детально в типологию таких нетрадиционных субъектов, можно заметить, однако, что они членятся на основании, как минимум, двух классификационных параметров.

Первый такой параметр — это противопоставление между **«государствоподобными»** и **заведомо негосударственными** субъектами. Первые выступают (легитимно или нет) в качестве своего рода субгосударств, надгосударств либо альтернативных государств, преследуют цели, типичные для государственных образований, и могут вступать с государствами в отношения соперничества, а в перспективе и трансформироваться в государства (так обстоит дело, в частности, с национально-освободительными и/или сепаратистскими движениями). Вторые (например, ТНК, МНПО) отстаивают, в том числе на международной арене, определенные интересы и даже обладают некоторой властью над человеческими сообществами, но принципиально не претендуют на выполнение типичных функций государства и государственный статус — при том, что, например, ТНК могут располагать ресурсами (финансовыми, пропагандистскими, интеллектуальными, а то и кадровыми), превосходящими ресурсы очень многих государств.

Второй параметр носит структурный характер и противопоставляет **вертикально интегрированные, иерархические субъекты** (классический пример — то же государство) **сетевым структурам**.

Указанные два классификационных параметра являются относительно независимыми.

⁴³ Как известно, с таких субъектов — по-русски говоря, дружин — начинались многие государства.

С учетом изменения субъектности возникает, особенно на уровне массового сознания, сильный соблазн включить в число новых субъектов международных отношений (причем как раз субъектов, конкурирующих с государством) также и цивилизации, чему сильно способствует введенная и продвигаемая Хантингтоном метафора столкновения и особенно то обстоятельство, что этот автор сплошь и рядом использовал выражения «столкновение» и «конфликт» применительно к отношениям цивилизаций как взаимозаменяемые.

Вообще-то, с точки зрения языковой интуиции не всякое столкновение является конфликтом и не всякий конфликт является столкновением. Столкновение – категория изначально физическая, она предполагает силовое взаимодействие, но вовсе не обязательно наличие обладающего интересами, волей и сознанием субъекта (сталкивающиеся во время ледохода льдины или атмосферные фронты в буквальном смысле ни в какой конфликт не вступают). В случае же конфликта в норме имеются конфликтующие субъекты, это категория человеческого взаимодействия, а вот силовая составляющая у конфликта вовсе не обязательна, он может быть латентным. Однако если даже в академической версии концепции Хантингтона столкновение и конфликт смешиваются, то это, по-видимому, свидетельствует о том, что глубинная когнитивная модель столкновения цивилизаций субъектна. Это, безусловно, верно в том смысле, что перечисленные выше проявления реализуются в действиях каких-то индивидов или групп. Однако можно ли говорить о столкновении цивилизаций так же, как, например, о столкновении государств, групп интересов или хотя бы идеологий (последнее – явная метафора)? И главное – необходима ли апелляция к понятию цивилизации для объяснения перечисленных выше проявлений столкновения цивилизаций?

2.2. Необходимо ли умножение сущностей?

Явное и неявное в дискуссии о столкновении цивилизаций

Ответ на этот вопрос в первом приближении представляется отрывочным. При внимательном рассмотрении оказывается, что практически все проявления, охотно описываемые ныне в терминах межцивилизационного столкновения, вполне объясняются без обращения к понятию цивилизации – и такое объяснение представляется предпочтительным в соответствии с упомянутым выше принципом «бритвы Оккама». Дело в том, что ни один из перечисляемых ниже факторов, которые способствуют возникновению конфликтов, трактуемых как межцивилизационные и выражающихся в оговоренных выше проявлениях, не предполагает цивилизации в качестве своих реальных субъектов.

В качестве косвенного подтверждения этого тезиса можно сослаться на несложное исследование⁴⁴, выполненное недавно студенткой Линчёпингского университета (Швеция) с использованием базы данных Гейдельбергского института по исследованию международных

конфликтов (НПК)⁴⁵ и направленное на выяснение того, какой в первые годы XXI в. (кокретные временные срезы – 2000 и 2006 гг.) была доля конфликтов, проходивших на стыке цивилизаций, и вокруг чего эти конфликты развивались. Статистические выводы, полученные автором, представлены в приводимой далее Таблице⁴⁶.

Из этой таблицы видно, что большинство конфликтов происходят в н у т р и цивилизаций и причины их являются вполне традиционными, «реал-политическими». С другой стороны, показатели Таблицы все-таки свидетельствуют также и о том, что в большей части конфликтов, которые относятся автором к числу межцивилизационных, участвует именно исламская цивилизация (61,9 % и 72,8 % от всех межцивилизационных конфликтов в 2000 и 2006 гг. соответственно), тем самым оправдывая отношение к ней как к наиболее конфликтной.

Разумеется, методология исследования Н.-Б. Глоннеггер может быть подвергнута критике⁴⁷ (что, впрочем, верно для любой подобного рода квантификации при изучении качественно различающихся объектов), но оно, несомненно, свидетельствует как против гипотезы об определяющей роли конфликта цивилизаций в современном мире, так и против тезиса о «закате идеологий» (о нем еще пойдет речь ниже).

Таблица. *Статистика международных конфликтов, 2000 и 2006 гг.*

	2000 г.	2006 г.
Общее число конфликтов в базе данных НПК	144	278
Число войн и острых кризисов	36	35
Число латентных конфликтов и кризисов	108	243
Конфликты (всех уровней) с участием разных цивилизаций, %	23,6	17,3
Число конфликтов с участием исламской цивилизации	21	35
Доля конфликтов с участием исламской цивилизации, %	14,6	12,6
Основные причины конфликтов	Автономия, борьба за власть, территориальные споры	Идеология / политическая система
Регионы с наибольшим количеством конфликтов	Азия / Океания	Океания
Регионы наиболее насильственных конфликтов	Африка южнее Сахары	Африка южнее Сахары
Наиболее мирные регионы	Америка и Европа	Америка

⁴⁵ Heidelberg Institute for International Conflict Research, Conflict Barometer // <http://www.hiik.de/konfliktbarometer.htm>

⁴⁶ Op. cit. P. 42–43. Строка, отображающая долю конфликтов с участием исламской цивилизации, добавлена автором записки.

⁴⁷ В нем, кстати, все христианские цивилизации считаются западными и рассматриваются как целое.

Тезис о несубъектности цивилизаций, однако, никоим образом не означает, что цивилизационная специфика никак не влияет на современные международные отношения. Разумеется, влияет, и проявляется это в том, что перечисляемые ниже конфликтогенные факторы, несомненно, являются **цивилизационно-** или, как минимум, **культурно-чувствительными**⁴⁸.

1. Первым из этих факторов, конечно, является **глобализация**, точнее, очередная глобализационная волна циклического процесса, задаваемого противоположно направленными тенденциями к объединению и унификации жизни человеческих сообществ, с одной стороны, и сохранению ими самобытности — с другой⁴⁹.

Среди следствий современной версии глобализации, отмеченной беспрецедентным развитием средств транспорта и коммуникации, мобильности капитала и рабочей силы, присутствуют и такие, которые, с одной стороны, могут стимулировать конфликты между представителями различных цивилизаций, а с другой — создавать предпосылки для приобретения этими конфликтами острых форм. К числу таковых следствий относятся, с одной стороны, **интенсивная миграция рабочей силы в развитые страны**, а с другой — мощная и довольно агрессивная **экспансия западной потребительской культуры с присущими ей ценностями** в страны, не входящие или, по крайней мере, еще недавно не входившие в орбиту западной цивилизации.

2. Следующий фактор — это **ускоренная модернизация** традиционных обществ, неизбежно влекущая слом традиционных форм жизни и появление значительного количества лишних людей, не могущих или не желающих вписаться в новые социально-экономические условия — особенно в ситуации, когда избыток рабочих рук возникает вполне объективно.

Подобная ситуация возникала в истории неоднократно и, что важно, в рамках разных цивилизаций (достаточно сослаться здесь на ситуацию в Испании после Реконкисты или историю модернизации Японии на рубеже XIX–XX вв.), и одним из способов ее разрешения, как известно, всегда была канализация армии лишних людей (зачастую молодых, агрессивных и обладающих военными навыками) в ту или иную форму внешней агрессии (захват Латинской Америки, экспансия Японии в Корею и Китай). По некоторым трактовкам⁵⁰, за «исламским терроризмом», помимо всего прочего, вполне могут стоять аналогичные механизмы сброса опасного излишка населения и одновременно — негласной внешней экспансии силами этого излишка⁵¹.

⁴⁸ Первый и второй факторы из приведенного списка совпадают со вторым и третьим факторами конфликта цивилизаций, предложенными Хантингтоном.

⁴⁹ Трактовка глобализации как циклического или, как минимум, синусоидального процесса далеко не общепринята, однако автору данной записки она представляется правдоподобной. Подробнее см., напр.: Неклесса А. Мир на краю истории, или Глобализация-2 // http://www.vshu.ru/persons/2/new_02872_03.do.

⁵⁰ См., например,: В. Шаров. Конфликт цивилизаций: подводная часть // Знамя. — 2003. — № 4.

⁵¹ Аналогичную во многом роль, между прочим, выполняло русское казачество в процессе экспансии России на Юг и Восток.

Экспансия же всегда ведет к столкновению цивилизаций — каков бы ни был субъект этой экспансии, хотя его цивилизационная идентичность и может накладывать на процессы экспансии определенный отпечаток. С другой стороны, модернизация приносит с собой новые технологические знания и элементы инфраструктуры, которые потенциально могут быть использованы в разрушительных целях.

3. **Глобальная демографическая ситуация**, отмеченная, за некоторыми исключениями (США), не просто низкой, но откровенно недостаточной для поддержания нормального функционирования экономики и привычного уровня жизни рождаемостью в развитых странах и постепенно снижающейся, но все равно несравненно более высокой, чем на Западе, рождаемостью в странах незападных цивилизаций, что дополнительно усугубляет социальные эффекты ускоренной модернизации⁵². Очевидным следствием этого оказывается упомянутое выше конфликтогенное демографическое давление, которое к тому же воспроизводится внутри стран с большими иммигрантскими общинами, что зачастую переживается еще более конфликтно, чем демографическое давление извне.

4. Наличие в мире целого ряда таких **долгосрочных конфликтов** варьирующей интенсивности, которые возникли сперва на вполне традиционных «реал-политических» основаниях, но **линия раскола** в которых **совпала с границами между цивилизациями**. Некоторые из таких конфликтов с какого-то момента (а иногда и с самого начала) начинают осмысляться как межцивилизационные; классическим примером является, конечно, ближневосточный конфликт. За годы президентства Дж. Буша-мл. к ним добавились конфликты в Афганистане и Ираке, второй из которых, если рассматривать его в достаточно долгосрочной перспективе, был наполнен межцивилизационным содержанием во многом искусственно. Чеченский конфликт тоже приобрел межцивилизационную окраску уже в ходе его развития, во многом движимого вполне общечеловеческими мотивами личной мести, которые обычно подавляются государством, а в данном случае были, как минимум, оставлены без противодействия.

5. Конфликт западной и исламской цивилизаций имеет, разумеется, и **экономическую**, в частности **нефтяную составляющую**. Существенным при этом представляется то обстоятельство, что конфликтный потенциал содержит в себе не только стремление Запада обеспечить доступ к ближневосточному углеводородному сырью, воспринимаемое населением стран Ближнего Востока как проявление угрозы⁵³, но и колоссальные финансовые ресурсы, получаемые странами, многие из которых довольно далеки от стандартов западной цивилизации и вовсе не сочувствуют западным ценностям. Разумеется, элиты этих стран связаны с Западом весьма тесными отношениями, однако у на-

⁵² Демографические процессы, как известно, очень инерционны и почти не поддаются внешнему регулирующему воздействию. Китай с его драконовской и относительно эффективной демографической политикой являет собой редкое и лишь относительное исключение — вполне возможно, что там по мере быстрого социально-экономического развития просто начались объективные процессы смены модели репродуктивного поведения населения.

⁵³ Об этом написано немало количество литературы, и ясно, что собственно межцивилизационные отношения здесь совершенно ни при чем.

селения, живущего во многом в традиционном обществе, возникает своеобразный комплекс полноценности, чреватый потенциальной агрессивностью⁵⁴, которая к тому же легко может быть направлена в нужное русло, да к тому же и щедро профинансирована. Ответ на вопрос о том, возникла бы проблема столкновения цивилизаций в ее современном виде при отсутствии острейшей зависимости мировой экономики от нефти, выглядит далеко не очевидным.

6. Зато современное состояние межцивилизационных отношений вполне допускает (по крайней мере, отчасти) наличие в нем «реал-политической» составляющей и вполне традиционной, хотя зачастую и скрытой, **государственной субъектности**. Рост доходов (и, шире, ресурсных возможностей) нефтедобывающих исламских стран, даже выступающих или хотя бы позиционирующих себя в качестве стратегических союзников Запада, объективно создает новые центры силы, способные отстаивать свои интересы, среди которых может присутствовать если даже не стремление к экспансии, то уж, во всяком случае, склонность к выполнению «цивилизационных обязательств», могущих приходиться в противоречие с интересами стран-представителей других цивилизаций и, тем самым, осознаваться как проявление столкновения цивилизаций.

К сказанному можно добавить признаваемое многими наблюдателями «возвращение государства». Этот институт, со всеми его хорошо известными недостатками, еще недавно казавшийся многим архаичным и, возможно, лишним «мезофеноменом» в современной «глокальной»⁵⁵ ситуации, в силу своей многофункциональности и наработанного тысячелетиями опыта оказался более устойчивым на фоне пусть и многообещающих, но пока что не вполне сформировавшихся и подверженных превратностям кризисного развития как глобализационных тенденций, так и тенденций к усилению роли локальных сообществ — что и было зафиксировано в очередной книге все того же чуткого к любым новейшим интеллектуальным веяниям Фукуямы⁵⁶.

7. Чрезвычайно важным фактором современного столкновения цивилизаций являются также **идеологические процессы**, происходящие в современном мире. Представление, в соответствии с которым на

⁵⁴ Нечто подобное существует и в современной России. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с политически ориентированными форумами Рунета.

⁵⁵ То есть сочетающей глобализацию с локализацией. Термин «глокализация» первоначально был введен в Японии как обозначение некоторого технико-экономического принципа (создание продукта для глобального применения, который обладает настраиваемыми на локальные условия параметрами), а затем был скалькирован на английский язык и стал пониматься все более расширительно. Надо, впрочем, признать, что такого рода расширительное понимание практически еще в 1924 г. практически было предсказано выдающимся американским этнологом, лингвистом и культурологом Эдвардом Сепиром, который писал: «Можно полагать, что угодив меж этих двух процессов — между интеграцией экономических и политических сил, ведущей к некоему мировому суверенитету, и дезинтеграцией наших нынешних громоздких культурных единиц в малые единицы, жизнь которых исполнена подлинной животворящей силы и индивидуальности, — идол современного государства, с его неограниченным суверенитетом, в туманном будущем исчезнет прочь». См.: Сепир Э. Культура, подлинная и мнимая // Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М., 1993. — С. 491.

⁵⁶ Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2007.

место противостояния сверхдержав и идеологий пришло противостояние цивилизаций и культур, ровно наполовину просто абсурдно: из сказанного в первом разделе настоящего исследования совершенно очевидно, что идеология и культура при достаточно широком их понимании представляют собой в высшей степени родственные категории. И надо понимать, что религиозные идеологии, к числу которых относится ислам, имеют куда более долгую историю и более мощные концептуальные основы, чем идеологии XIX–XX «веков рождения».

Во всех перечисленных факторах легко вычленяются субъекты вполне традиционного свойства: государства, нации и группы интересов, ТНК, сетевые структуры, идеологии и конкретные идеологи, медиаструктуры. Тем самым, постулирование цивилизаций в качестве субъектов международной политики оказывается излишним⁵⁷.

Этот тезис, однако, ни в коей мере не отрицает ни самого права категории цивилизации на существование, ни ее познавательной ценности. Но для ее реализации необходима не упрощающая опора на метафоры, а аккуратное упорядочение набора взаимосвязанных категорий, сопряженное с рядом терминологических инноваций. В заключительном, четвертом разделе данной записки такое упорядочение предложено в сугубо тезисном виде в качестве основных выводов данной записки.

Однако перед тем, как переходить к выводам, необходимо кратко остановиться на еще одном важном аспекте цивилизационного диалога, обсуждение которого было обещано ранее — на его прагматике.

3. Прагматика цивилизационного дискурса: некоторые парадоксы обращения к понятию (идио)цивилизации

Для изучения прагматики цивилизационного дискурса необходимо, в дополнение к структуре понятия цивилизации (что было сделано в разделе 1) и его отношению к тем феноменам, которые оно обозначает, учитывать также его реальное употребление, включая, прежде всего, те цели, для достижения которых оно привлекается в современных политических дискуссиях.

А такой анализ выявляет одно обстоятельство, которое вполне ожидаемо и соответствует интуиции, но при этом в одном важном отношении противоречит тезису Хантингтона о переходе от конфликта государств и идеологий к конфликту культур и цивилизаций. И заключается это обстоятельство в том, что категория «цивилизация» в ее типологическом понимании (иными словами, категория «идиоцивилизации») функционирует либо в конфликтном диалоге (что, по ощущению, случается чаще всего), либо в диалоге, вторичном по

⁵⁷ Аналогичный вывод содержится в Загорский А.В., Сергеев В.М. (при участии Казанцева А.А.). Диалог цивилизаций // Аналитические записки НКСМИ. – М.: МГИМО-Университет, 2006. – Декабрь.

отношению к конфликтному, то есть направленном на преодоление либо отрицание конфликта.

Эмпирический факт, сразу обращающий на себя внимание при ознакомлении с первыми сотнями результатов поиска в Интернете по слову *цивилизация*, показывает, что если у этого слова на найденной веб-странице имеется квалифицирующее определение (*русская, западная, исламская, православная* и т.д.), то, с очень большой вероятностью, на ней будет представлено, как минимум, ценностное окрашенное сопоставление цивилизаций, а как максимум — утверждение превосходства какой-либо конкретной идиоцивилизации (обычно — своей для автора текста, хотя бывают и исключения) или, напротив, поношение какой-либо цивилизации или цивилизаций (обычно — чужой или чужих). Эти два оценочных модуса, естественно, могут совпадать и часто совпадают.

Так, увидев в Рунете словосочетание *русская* (и тем более *православная*) *цивилизация*, можно быть почти уверенным в том, что постулируемый феномен будет превозноситься, а вот упоминание западной или исламской цивилизации может быть как критическим, так и комплиментарным в зависимости... В зависимости от чего? Ответ очевиден — в зависимости от идеологической позиции автора текста. (Идио)цивилизация реально является одним из наиболее идеологизированных категорий современного общественно-политического дискурса, а это означает, что тезис Хантингтона о переходе от идеологического конфликта к культурному оказывается не то чтобы ошибочным, а некорректно сформулированным. Даже если не расширять, что иногда делается, содержание понятия идеологии примерно до синонима «точки зрения», а понимать его как субъективную систему убеждений, стойкую к внешним воздействиям, ценностно окрашенную и снабженную всякого рода стандартными примерами объектов, ситуаций, сценариев и т.п.⁵⁸, приходится признать, что исторически первичное оценочное понимание цивилизации продолжает, явно либо незримо, оказывать влияние на типологическое понимание и нередко подчиняет его себе.

Впрочем, надо признать, что разнообразие идеологий велико, а апелляция к (идио)цивилизациям может сопровождаться и позитивной оценкой — в духе признания «цветущего многообразия» форм существования человеческих сообществ. Что представить себе и найти труднее всего, так это чисто классификационное обращение к категории (идио)цивилизации, полностью лишённое какой бы то ни было оценочной составляющей.

⁵⁸ Примерно такое понимание было предложено в свое время Робертом Абельсоном, см.: Абельсон Р.П. Структуры убеждения // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М., 1987. Ср. также: Eagleton T. Ideology: An Introduction. 2d edition. Lnd.; N.Y., 2007 и сноску 32 ранее.

4. Государство, цивилизация, культура и идеология в современном мире: некоторые выводы

4.1. Теоретические выводы

1. Международные отношения реализуются в среде, одним из факторов которой является цивилизационное многообразие мира. Список цивилизаций более чем на порядок короче списка существующих на настоящий момент государств и как минимум на два порядка короче списка этносов.

2. Цивилизации представляют собой сложные комплексы «конкретно-предметных культур», ведущую роль в которых играют когнитивные факторы – представления об актуальном и желаемом состоянии мира и способах перехода от первого ко второму. Рефлексия этих факторов может осуществляться в различных формах, в том числе в виде широко понимаемых идеологий.

3. Сами по себе эти культурные факторы не могут рассматриваться в качестве субъектов мировой политики ни в каком смысле, кроме метафорического. Более того, недоступность когнитивных факторов для непосредственного наблюдения делает обращение к ним в лучшем случае гипотетическим, а иногда и мифологическим, а поэтому потенциально опасным.

4. Несмотря на все изменения в субъектности международной политики, основным ее субъектом продолжает оставаться государство.

5. Цивилизационные культурные комплексы неизбежно оказывают влияние на людей, вовлеченных в международную политику и обеспечивающих функционирование субъектов международных отношений. Такое влияние, однако, реализуется только через этих традиционных субъектов, опосредуется ими и накладывается на влияние других факторов.

6. Цивилизационные культурные комплексы, имеющие различную предметную направленность и представленные в сознании как элит, так и населения, могут выступать в качестве ресурса, имеющегося в распоряжении того или иного субъекта международной деятельности, в частности государства. Представления о структуре международных отношений, о друзьях и союзниках, о своих и чужих целях деятельности, о предпочтительных действиях – все это может как ограничивать свободу деятельности политика в самых разных отношениях (и в таком случае можно говорить о **культурно-цивилизационном давлении на государство**), так и обеспечивать ему свободу рук и даже предоставлять ему особые возможности, превращаясь в **культурно-цивилизационный ресурс**⁵⁹ (здесь достаточно сослаться на такой стандартный, но от этого не теряющий своей важности пример, как готовность населения терпеть всякого рода лишения во имя

⁵⁹ Вообще-то правильной было бы обойтись без не совсем корректного уточняющего определения «цивилизационный», но термин «культура», к сожалению, еще более многозначен, чем термин «цивилизация».

высокой цели, по привычке или в силу специфических представлений о действительности). Культурно-цивилизационный ресурс является столь же важным ресурсом государства (и нации), как и другие виды ресурсов, например, демографический, людской, интеллектуальный или сырьевой.

7. Культурно-цивилизационный ресурс, при всей его устойчивости, поддается влиянию, но воздействие на него, необходимость в чем в меняющемся мире возникает достаточно часто, представляет собой намного более сложную задачу, чем его использование в неизменном виде. Такое использование, однако, чревато либо попаданием в зависимость от культурно-цивилизационного давления, либо сознательным формированием культурно-цивилизационной мифологии и ее эксплуатацией зачастую в противоположность с объективными потребностями политического развития.

4.2. Практические выводы

Каков сравнительный вклад культурно-цивилизационных и прочих факторов международной политики в принятие внешнеполитических решений – вопрос открытый и предполагающий в каждом конкретном случае свое решение. Что, однако, очевидно, так это необходимость избегать (и не только в практической деятельности политика, но и, что очень существенно, в ее рефлексии, в том числе в объяснении деятельности других субъектов международных отношений) как игнорирования культурно-цивилизационных факторов, так и стремления свести к ним все решения, тем самым либо впадая в хорошо известную в социальной психологии фундаментальную ошибку атрибуции⁶⁰, либо сознательно мистифицируя реальное положение вещей.

Значительная часть исследователей отмечают, что наряду с перечисленными выше факторами, способствовавшими усугублению конфликта цивилизаций, следует упомянуть распространение в интеллектуальной среде западных стран «политкорректности», которая была воспринята «цивилизационными конкурентами» как свидетельство слабости. При этом «политкорректность» парадоксальным образом сочеталась (иногда это сочетание реализовалось в практике разных стран, которые, однако, в равной степени рассматривались извне как представители «совокупного Запада») с «реал-политической» агрессивностью, что создало довольно гремучую смесь.

Совершенно очевидно, что в условиях высококонкурентной среды одностороннее самоуничтожение представляет собой совершенно самоубийственную позицию⁶¹: ее можно безболезненно реализовать

⁶⁰ Фундаментальная ошибка атрибуции, как известно, проявляется в стремлении объяснять морально одобряемые действия своей стороны факторами субъективного, и в том числе культурного порядка, а действия, морально сомнительные – преимущественно объективными факторами («У нас нет другого выхода»), тогда как применительно к противнику все объясняется ровно противоположным способом, см., напр., Майерс Д. Социальная психология. Изд. 2-е, исправленное. Гл. 3. – СПб.; М., 1998.

⁶¹ Автору данной записки в свое время доводилось рассматривать аналогичную, по сути дела, проблему применительно к другой предметной сфере и приходило к сходным выводам. См. Паршин П.Б. Российские ученые между государственной научной политикой и социальным самоопределением // Роль ученых в построении гражданского общества. – М., 1997.

либо на началах взаимности, либо при наличии каких-то гарантий со стороны некоторой третьей силы, которую в случае междивизиционного диалога представить себе трудно. Столь же очевидно, однако, и то, что, если отвергнуть как неконструктивный вариант возврат к жестко разделенному миру, а «радикальную победу в споре» той или иной стороны⁶² — как вариант малореальный, то какая-то форма разрешения (точнее, стабилизации) междивизиционных противоречий должна быть найдена. И в этом плане прагматически наиболее разумной — для любого цивилизационного комплекса — представляется позиция, которую можно обозначить как **неагрессивное отстаивание** своих ценностей, не приходящее, однако, в противоречие с объективными тенденциями мирового развития, а также, разумеется, преодоление давно уже приобретшего самостоятельную динамику и ставшего самостоятельным фактором взаимного незнания и отчуждения.

Нацеленные на это мероприятия, предложенные на Мадридском форуме «Альянса цивилизаций» (в том числе учреждение и начало финансирования специального Медиафонда, обнародование национальных и региональных стратегий для диалога правительств и многосторонних организаций, создание механизма быстрого медиареагирования в составе экспертов, призванных контактировать с журналистами во время острых кризисов)⁶³, выглядят шагами в правильном направлении, хотя, конечно, считать их достаточными или рассчитывать на их скорую эффективность в такой непростой сфере не приходится.

⁶² В принципе, возможно, конечно, и то, и другое, однако эти крайние варианты в духе «мыслей о неммыслимом» здесь не рассматриваются — они предполагают слишком серьезные преобразования мира и изменения тенденций его развития. Если отвлечься от возможности таких преобразований, то яростные взаимные обличения, которыми обмениваются представители конфликтующих цивилизаций (какова бы ни была семантика и прагматика этих инвектив), просто не имеют перспективы: цивилизациям, как и соседствующим государствам в «классической» международной политике, так или иначе предстоит сосуществовать.

⁶³ Major Outcomes of the Alliance of Civilizations Forum. Madrid, 15-16 January 2008 (<http://www.unaoc.org/content/view/225/220/lang,english/>). Очень показательны, кстати, что в тексте этого документа слово *цивилизация* нигде, за исключением самого названия форума, не используется — в отличие, например, от слова *культура*.

Павел Борисович Паршин – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра глобальных проблем Научно-координационного совета МГИМО (У) МИД России. В 1978 г. окончил МГУ им. М.В. Ломоносова. Работал в Институте США и Канады АН СССР, в Аналитическом центре по научной и промышленной политике. Автор многочисленных публикаций на русском

и английском языках по различным проблемам лингвистики, социальной и политической семиотики, научной политики. Участник коллективных монографий «Рекламный текст: семиотика и лингвистика» (под ред. Ю.К. Пироговой и П.Б. Паршина, М., 2000), «Нанотехнологии: Форум» (под ред. Н.В. Гапоненко, М., 2006); соавтор «Англо-русского словаря по лингвистике и семиотике» (с А.Н. Барановым, Д.О. Добровольским, М.Н. Михайловым и О.И. Романовой; 2-е изд., М., 2001); один из авторов и научный соредактор лингвистического раздела электронной энциклопедии «Кругосвет» (www.krugosvet.ru).

Центр глобальных проблем (ЦГП) в составе Научно-координационного совета по международным исследованиям создан в МГИМО (У) в мае 2004 года.

ЦГП видит свою задачу в изучении крупных проблем современной мировой политики, требующих сочетания специальных методов исследования (экономических, историко-культурных, когнитивных), а также знаний в области естественных наук и современной технологии.

К числу таких проблем, в первую очередь, относятся:

Воздействие мирового рынка на экономическую и политическую структуру отдельных государств.

Изменения политических режимов государств, осуществляемые под давлением предпочтений, существующих в «мировом сообществе» («волны демократии»).

Конфликты, вызываемые цивилизационными и культурными различиями.

Глобальное воздействие на мировую политику ресурсных ограничений (энергетические и экологические проблемы).

Подробнее о ЦГП см. на Интернет-сайте Научно-координационного совета по международным исследованиям: www.mgimo.ru/ktsmi

Научно-координационный совет по международным исследованиям (НКСМИ) МГИМО (У) МИД России создан в мае 2004 года в целях развития и углубления аналитической работы Университета в области международных отношений, придания ей системного и прогностического характера, проведения экспертизы и обоснования внешнеполитических инициатив и мероприятий. В сферу научных интересов НКСМИ входит изучение концептуальных аспектов внешней политики России, выявление и исследование тенденций эволюции и развития международных процессов, анализ крупных и актуальных международных проблем.

НКСМИ является правопреемником и продолжателем исследовательских и аналитических структур МГИМО (У) — *Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа международных отношений* (1976–1990 гг.) и *Центра международных исследований* (1990–2004 гг.).

В настоящее время в состав НКСМИ входят десять научных центров:

- Центр глобальных проблем,
- Центр партнерства цивилизаций,
- Центр постсоветских исследований,
- Центр евро-атлантической безопасности,
- Центр кавказских исследований,
- Центр исследований Восточной Азии и ШОС,
- Центр ближневосточных исследований,
- Центр региональных политических исследований,
- Центр исследований проблем войны и мира,
- Центр североевропейских и балтийских исследований.

Председатель НКСМИ — А.Ю.Мельвиль, проректор по научной работе МГИМО (У), доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ.

Директор НКСМИ — А.А.Орлов, профессор кафедры ЮНЕСКО МГИМО (У), Чрезвычайный и Полномочный Посланник.

Сайт НКСМИ в интернете: www.mgimo.ru/nksmi

«Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России» издаются с ноября 2004 г. Выходят с периодичностью не реже одного раза в месяц тиражом от 300 до 900 экземпляров. Рассылаются в Администрацию Президента Российской Федерации, органы исполнительной и законодательной власти, российские представительства за рубежом, профильные научно-исследовательские центры системы РАН, ведущие политологические центры, а также крупные библиотеки. Материалы для данного издания готовятся входящими в состав НКСМИ МГИМО (У) научными центрами, а также известными российскими дипломатами, учеными, общественными деятелями.

Сайт «Аналитических записок» в интернете: www.mgimo.ru/az

Связь с редакцией по адресу: ktsmi@mgimo.ru